

Вадим Щербаков

ЭДИП НЕ ЦАРЬ

В спектакле Римаса Туминаса, поставленном по трагедии Софокла «Эдип царь», мне дорог один мотив, который олицетворен введенным режиссером персонажем. Он безмолвно проходит через все действие греческого проекта театра им. Вахтангова, лишь один раз обретая голос. Зато какой энергичный голос! Да и вся линия того, кто скромно и глухо назван в программке «Домочадцем» (так в одном из русских переводов трагедии поименован Вестник), заслуживает осмысления.

Все древнегреческие трагедии написаны не про людей. В них действуют полубоги – прямые потомки олимпийцев или еще более древних олицетворений хтонических стихий. Эдип – прямой наследник основателя Фиванского града Кадма, внука Посейдона, и Гармонии, дочери Ареса и Афродиты. Да и собственные свойства личности героя заставляют поместить его на сверхчеловеческий пьедестал. Ребенок с покалеченными ногами не просто выжил, но сумел обрести с возрастом достаточно физических сил, чтобы голыми руками победить трех вооруженных людей на злополучном перекрестке беотийских дорог, и развить свой ум, оказавшийся способным разрешить загадку Сфинкс. Не говоря уже про волю и решимость, которые толкают героя на сопротивление Року.

Долгие века сохранявшие чувство рода античные греки, надо полагать, воспринимали борьбу фиванского царя против откровений аполлоновой пифии как вопиющее нарушение закона. Мотив трагической вины Эдипа и Иокасты, позволивших себе подумать, что дельфийский оракул может ошибаться, что боги просто пугают смертных для остротки, сами не ведая будущего, в спектакле г. Туминаса проявлен вполне отчетливо. Возможно, именно он был важен для афинской публики во времена

представления произведения Софокла. Как впрочем и все остальные обоснования поступков героев трагедии, изложенные словами драматурга. Иначе в чем бы мог состоять интерес к истории, которая известна каждому зрителю с детства?

Во всяком случае объяснения страстей и раскрытие логики деяний должны были придавать титаническому бунту Эдипа какую-то соотносительность с чувствами и мыслями обычного гражданина полиса. Эта соотносительность помогала, риску предположить, любому афинянину примеривать на себя и судьбу героя, и претерпеваемые им несчастья, и ту печальную истину, которая выражена в последних строках эксода трагедии. Ведь речь в них идет просто о человеке:

*И пока свой день последний не увидит
тот, кто смертен,—*

*На земле не называйте вы счастливым
никого.*

(Перевод Д.С. Мережковского)

Хор в спектакле г. Туминаса не пропевает эти слова. Зато простой человек явлен. Почти постоянно присутствуя на сценической площадке, он – лицо без речей. Да и лица у него, будто у хармсовского персонажа, нет вовсе. На его месте – белая маска из накрученной вокруг головы светлой тряпицы.

Однако в отличие от хармсовского «человека, которого не было», он есть, и говорить о нем стоит. Ибо это – негероический двойник Эдипа, не царь, не полубог, а тот обычный рядовой гражданин, кому не было ходу на возвышенный параскений. Тот, кого недеяние и незаметное положение домочадца великого правителя Фив не спасут от рокового падения дома отцеубийцы.

Бедно одетый человечек в маске все время оказывается где-то на периферии действия. Стоит, прислушивается к речам протагонистов, лаконично отыгрывая эмоциональные отклики на события главного сюжета. Время от времени появляется на огромной ржавой трубе, которая покачивается-повертывается на арьере сцены. И его так же, как и царя Эдипа, это материальное воплощение Рока то возносит над остальными героями спектакля, то опускает долу. Надо бы разглядеть поподробнее, но с одного просмотра запомнилось, что траектория его взлетов-падений находится в определенном контрапункте с эволюциями владыки Фив. Несовпадение, видимо, значимо – фиксирует отношение простого человечка к решениям царя. То есть выявляет,

*М. Севриновский – Домочадец.
Фото В. Мясникова*

что у безликого есть собственное мнение. Да кому оно важно, когда герой бьется против воли богов!

Наконец, в начале эксода тихий двойник Эдипа обретает голос, а затем открывает лицо. Режиссер дает ему текст софоклова Вестника. И тут обнаруживается, что исполнитель этой роли – Максим Севриновский – блестяще владеет секретом трагической читки. Его речь наполнена энергией и страстью, но достаточно отстранена от того личного переживания событий, которое уместно в других театральные жанрах. Монолог актера держит форму стихотворной декламации – с упругой пульсацией силы звука, с акцентированным посылом слов, с точной фразировкой строки. При этом г. Севриновский явно понимает, о чем говорит, хранит в своем воображении визуальные образы описываемых словами событий, более того – заставляет зрителя через слова увидеть ужасную кульминацию трагедии царского дома.

*М. Севриновский –
Домочадец*

А посмотреть есть на что! По-детски впечатлительные древние греки не желали видеть смертоубийство и членовредительство вживе. Для сострадания им достаточно было зеркала слов, в которых художественно отражались ужасы жестоких историй мифа. Поэтому рассказы Вестников в античных трагедиях столь объемны и столь выразительны.

Маленький человек позволит нам представить, как билась в корчах Иокаста, как рвала волосы, проклиная брачное ложе, на котором зачинала детей от собственного сына. Потом скрутила петлю и затворила двери. Как ворвался в опочивальню Эдип, как взвыл от боли, обнаружив труп своей царицы, своей матери и своей жены.

Он распустил петлю, положил тело Иокасты на ложе, сорвал с ее одежд золотую застежку и ударил острием этой фибулы себе в глаз. Сначала в один, затем в другой; как раздвинул окровавленные веки и многократно поразил опустевшие глазницы ненужной более вещцей.

Голос маленького человечка окрашен ужасом. От потрясения увиденным, от жалости преданного раба к несчастиям добрых хозяев, да и просто к людям, к себе подобным. Но не только – в этом ужасе просвечивает причастность беде, понимание того, что и тебя зацепила ржавая труба, что и тебе спасения нет.

Вокруг глаз маленького человечка видны кровавые потеки. Такие же, что публика увидит на лице Эдипа.

Можно бы сказать: паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Но мне хочется обнаружить в этом режиссерском сюжете отсылку к пушкинскому определению смысла трагедии, каковой есть «судьба человеческая, судьба народная».